

ЛУЖИЦКАЯ НАРОДНАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ

© 2020 г. А.В. Гура

Д-р филол. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН

avgura@mail.ru

*Публикация подготовлена в рамках проекта РФФИ № 20-012-00300 А
«Низшая мифология славян: новые методы и подходы к исследованию»*

Статья представляет собой очерк верхне- и нижнелужицкой народной демонологической традиции и содержит описание демонов природы и природных стихий, домовых духов, персонифицированные образы болезни и смерти, демонов-покойников и персонажей, сочетающих в себе черты реального человека и демона. Подобная сводка лужицкого материала по данной теме публикуется на русском языке впервые.

The article is an outline of the Upper and Lower Sorbian folk demonological tradition and contains a description of the demons of nature and natural elements, house spirits, personified images of illness and death, demonic dead (undead creatures) and characters that combine the features of a real person and a demon. This is the first time such summary of Sorbian material is published in Russian.

Ключевые слова: лужицкая народная традиция, демонология, мифологические персонажи.

Keywords: Sorbian folk tradition, demonology, mythological characters.

DOI: 10.31857/S0869544X0012096-8

1. Введение

Современная Лужица как историческая область расположена на территории восточногерманских земель Саксония и Бранденбург и юго-западной Польши (Нижнесилезское воеводство). Нижняя Лужица (с главным городом Котбус/Хосебуз) находится на севере этого региона, в земле Бранденбург, а Верхняя Лужица (с центром в Баутцене/Будишине) — южнее, в Саксонии, ближе к границе с Чехией. Между верхнелужицким и нижнелужицким языками проходит пограничная полоса переходных говоров. Особо выделяется в этноязыковом отношении восточнолужицкая область распространения мужаковского диалекта (в районе верхнелужицкого города Мускау/Мужаков). Некоторые специфические черты характеризуют также верхнелужицких католиков (между городами Баутцен, Каменц и Хойерсверда/Войерецы).

Первые немецкие публикации народных рассказов о лужицких мифологических персонажах (далее — МП) относятся к XVIII в. Они нередко появлялись, например, на страницах журнала «*Lausitzisches Magazin*», издававшегося с 1786 г. С началом серболужицкого национального возрождения и особенно после создания в 1847 г. Яном Смолером и другими деятелями этого движения научного и культурно-просветительского общества «*Матица серболужицкая*» число таких этнографических изданий, в том числе больших сборников, быстро растет. Обобщающий труд по лужицкой демонологии «*Мифологические существа лужицких сербов*» принадлежит чешскому сорабисту Адольфу Черни [1], который в основном мы и используем при написании данного очерка.

2. Мифологические персонажи

Демоны природы и природных стихий

Поверья о лесной деве известны лишь у верхних лужичан. Она молодая и красива, у нее черные волосы и золотой венок на голове. В описании И. Срезневского [2. С. 60]) у нее великолепное господское одеяние. Основное место ее пребывания — темные еловые леса. Лесная природа подчиняется ей: деревья расступаются на ее пути, болота и топи высыхают под ее ногами, а горки и низины выравниваются. Лесная дева охотится на лесных животных и птиц, стреляя в них из ружья или поражая стрелами (что сближает ее с самодивой). Появляется со сворой гончих псов. Если увидит в полдень человека в лесу, может его убить или он сам умирает на третий день. Может появляться также в полночь [2. С. 60].

Лесные (дикие) люди (*šierawy*) встречаются в поверьях нижних лужичан в районах Люббенау, Калау и Дребкау. Тело лесных людей поросло шерстью. Они образуют пары по полу: *šyrom* (или *šyrow*) и *šyrene* (или *šyrawa*). И постоянно окликают друг друга, кричат: «*šyrene!*» и «*šyrom!*». Дикие люди приходят из лесу и просят у хозяйки чего-нибудь поесть, общаются с пастухами, греясь с ними у костра. Они обладают большой силой. Людям не вредят, но могут отомстить за причиненный вред, например разорвать коня пополам. На южной окраине Верхней Лужицы (там же, где известна *dźiwica*) изредка встречаются поверья о лесной (дикой) женщине (*dźiwja žona*). Рассказывают, что она кричит: «Вечно голодна!». Раз она попросила пастушку спрятать ей паклю с условием ничего не оставлять себе. В благодарность насыпала ей целый фартук сухих листьев, которые обиженная пастушка высыпала на землю, а дома обнаружила у себя за лифом золото. Когда пастушка вернулась на место, где высыпала листья, там их уже не было. Сходный рассказ известен у онемеченных лужичан близ Райхенбаха: лесная женщина в награду за исполненную просьбу расчесывать ей волосы или гладить по голове дает девушке кучу сухих листьев, которые та выбрасывает, а они оказываются золотыми.

У восточных лужичан в окрестностях Мускау существовали поверья о мужских лесных духах грабах (мужаков. *graby*, *draby*, *grawy*, *grabse*, *grabsy*). Это сильные, внешне привлекательные парни, но с конскими ногами, которые под одеждой и обувью трудно распознать. Согласно поверью из Шлейфе/Слепо, грабы покрыты шерстью, как звери. Часто они очень голодны, крадут у людей коней и могут съесть коня целиком. Лесные грабы нанимаются батраками к людям, приходят в деревню на вечеринки и танцы по одиночке или вдвенадцатером, иногда в компании с водяным, а уйти спешат перед полуночью, до восхода солнца или в 10 часов утра. Грабы ухаживают за деревенскими

девушками и пытаются взять их себе в жены, скрывая свои конские ноги. Иногда, слушая под окном пение девушек на вечеринке, распаивают окно и пугают их, просовывая внутрь свои конские копыта.

В лесах и на возвышенностях живут женские духи *wurlawy* (*worawy*), известные лишь на пограничье Верхней и Нижней Лужицы (около Шварцкольма и Лауты). В урлявы (воравы) днем прячутся, а вечером приходят на поле, в деревню. Пашут на деревенской площади, производя ужасный шум (возможно, от *worać* 'пахать' происходит и название *worawy*). Вурлявы следят, чтобы пряжи не пряли после 10 часов вечера. В дом они не заходят, а дают непослушным пряхам на улице или через окно ночвы, наполненные веретенами, и велят за час их напрясть. Не справившихся с заданием убивают. Умные пряжи прибегают к хитрости: прядут на каждое веретено только один слой ниток, чтобы закрыть деревянную часть веретена. Победенные, вурлявы исчезают со словами: «Черт тебя надоумил!»

К женским полевым МП относится полудница (в.-луж. *připołdnica*, *připołnica*, *připołńca*, н.-луж. *přezpołdnica*, *pšezpołdnica*, *pódpołdnica* и т.п.; н.-луж. *serpownica*, *serpowina*, *serpjelbaba*, *serpja baba*, *serpowa baba*, *serpašyja*, *serpyšyja*, *serpjelšyja*, *serpowa šyja*, *serpjel*, *přišerpańc*, *serp*). Полудницу обычно представляли как старую седую женщину высокого роста, худую, с грозным взглядом. Но иногда, как и ее вариант — «белую женщину» (*běła žona*), описывали как красивую девушку или женщину в белом одеянии [2. С. 59]. У нижнелужицкой «белой женщины» венок из соломы, людям она ничего плохого не делает, лишь молча проходит мимо. Наряду с полудницами высокого роста, сообщалось иногда и о маленьких полудницах. У полудницы и серповницы имеются редкие нижнелужицкие мужские соответствия: полудники-карлики, старички (*přezpolnicher*), обычно появляющиеся группой, и серповник (*přišerpańc*, *poserpańc*). Согласно редким свидетельствам, у серповницы (н.-луж. *serpašija*) нет головы. Иногда полудниц бывает две — предполудница и послеполудница (*dopołnica* и *wotpołnica*, *Pschespolnjitsa* и *Doppolnjica*). Полудница появляется в поле летом или только во время жатвы, у верхних лужичан — в солнечную, безветренную погоду. У нижних лужичан серповница (*serpownica*, *serpašyja* и т.п.) может появляться в поле не только в полдень, но и в любое время. По поверьям некоторых нижних лужичан, серповница (*Serp*) в полдень прогоняла людей с поля домой, а сопротивляющихся резала серпом, пока не загонит в дом. Полудницы являлись в поле чаще всего женщинам и детям, молодым женщинам, у которых дома маленькие дети, беременным женщинам, работавшим в поле, а также людям с нечистой совестью и злыми умыслами. Иногда сообщалось, что полудница приходит из рощи или из-за реки, на берегу с печальным пением расчесывает свои волосы, а в полдень направляется в поле [2. С. 59]. Красиво поет также нижнелужицкая «белая женщина». Она тоже появляется в полдень, особенно в Иванов день и между Рождеством и Тремя королями. Кроме того, обе они носят свиток льна в руке или на спине. Верхнелужицкая полудница, нижнелужицкая серповница и «белая женщина» (в районе Фечау) носят серп в руке, под мышкой, в корзинке или на длинной палке через плечо. У серповницы есть также мешок, в который она складывает отрезанные серпом головы детей, — так обычно пугали детей, чтобы они не ходили в поле топтать горох. Основная функция полудницы — наказывать людей за нарушение запрета работать в полдень в поле, заставляя их отвечать на ее вопросы. Она без остановки задает человеку вопросы о выращивании хлеба, льна, о прядении и тканье полотна. Этими вопросами она насмерть замучивает человека, убивает его ударом в грудь, пожирает, оставляя лишь одежду, обращает

в камень, а также душит, отрывает, сворачивает или отсекает ему серпом голову. Спасением служит непрерывное говорение в ее присутствии в течение часа или двух, пока полудница не потеряет свою силу и не исчезнет. Изредка указывалось, что полудницей становятся в результате заклятия. Поэтому, побежденная часовым разговором, она произносит: «Теперь ты взяла мою силу, я свободна и ты тоже», что означало снятие с нее заклятия. Оберегом от полудницы служат некоторые растения (например лебеда, чабрец) и молитва «Отче наш», прочитанная без запинки задом наперед. Серповницу изгоняют тем, что бьют ее зубьями граблей. У восточных лужичан в окрестностях Мускау полудница иногда подменяла ребенка женщины, работающей в поле, своим ребенком. Мать, поняв, что ребенок подменен, оставляла подменыша плакать, пока полудница не возвращала человеческого ребенка обратно.

К МП, сходным с полудницей, можно отнести с меркаву (*směrkawa*), известную лишь в Верхней Лужице. Она приходит к работающим в сумерки на улице и не дает им закончить работу или заставляет вечером в поле целый час рассказывать ей о той работе, за которой она их застала, или проникает в дом в сумерки, когда люди допоздна задерживались на работе в поле. Смеркава не имеет определенного облика, она только слышна: это нечто издающее звуки в печи, говорит, ходит. Вываливаясь из печи, она говорит: «Вили вали, как же я из этой вашей печи вниз валилась». Встреча ребенка со смеркавой вызывала у него конвульсии, от которых ребенку давали ложку соли с водой и луговой василек.

Еще один МП, названный по акустическим признакам, — это б р у н ч а д л о (*brunčadło*), от в.-луж. *brunčec* ‘жужжать’, ‘бормотать’. Брунчадло ходило вечером после захода солнца, как и верхнелужицкая смеркава. Ни пол, ни облик, ни функции его неизвестны.

Один из самых популярных МП лужичан — в о д я н о й, а также водяная и их дети: в.-луж. *wódny muž*, *wódny mužik*; *wódna žona*, *wódna baba* (редко); *wódne džeći*; н.-луж. и вост.-луж. *nykus*, *nyks* (нем. *Nix*), н.-луж. *nyksowka*; вост.-луж. *hodrnys*, *wodrnys*. Места обитания водяного — водоемы, особенно глубокие места возле водяных мельниц, подводные пещеры и колодцы. В его подводном доме находятся корыта, полные денег, а на лавке под печью много горшков без дна — это утопленные люди. Водяной старый, босой, маленького роста, иногда предстает в виде голого ребенка на ольхе или плачущего ребенка на мосту. По представлениям нижних лужичан, он появлялся на вербе перед тем, как кто-нибудь утонет. Человек вызывал водяного из воды, выкликая его по имени, например *Chilkrok*, *Ertom-Tertom-Parny-Telman*, *Jakub*. Одежда его мокрая, особенно концы одежды и мокрые по колено штаны. Водяной может принимать облик старого или бесхвостого карпа, огромной щуки с телячьими глазами, которая прыгает на спину рыбаку, а потом исчезает в виде черного облака или улетает уткой, облик белого селезня, белого гуся, черного кота, хромого зайца, вола, теленка или овцы, а водяная обычно обращается в жабу. Водяные бьются друг с другом за свои владения, когда один из них крадет или ловит рыбу в водах другого. Говорит водяной иначе, чем люди, но все можно понять, или обращается к человеку по-немецки. Питается рыбой и раками, печет себе хлеб, лепешки, имеет у себя масло, пиво, вино. Получает силу от воды: во время борьбы с человеком ударяет босой пяткой о землю, чтобы добыть из нее немного влаги, так как побеждать он может только там, где мокро. Водяной расчесывает себе волосы гребнем, ищет у себя вшей. Полощет и сушит на берегу свою одежду. Водяные муж и жена могут образовывать пару: *wódny muž*

и *wódna żona*, *nyks* и *nyksowka*. Но водяная может выступать и самостоятельно, как женский вариант водяного.

Водяными становятся утонувшие, утопленники-самоубийцы и убитые. Согласно другим представлениям, водяные происходят из низвергнутых с небес ангелов, упавших в воду. Водяной (*wodna żona*) становится девушка, во время купания похищенная водяным, взятая им себе в жены. Всегда в полдень водяная расчесывает свои черные волосы. Белит и сушит на берегу одежду, плотно, иногда прядет. Одета в одежду наизнанку, в юбку с мокрым подолом и красные чулки. Существует рассказ о том, как водяной просит повитуху принять роды у его жены, в благодарность угощает ее лепешкой. Водяной всей семьей приходит в деревню на пиво, игру в карты и развлечения, а его дети ходят на танцы и посиделки, где выбирают себе девушек в жены. Наибольшую силу водяной имеет в полдень. Появляется в воскресенье во время службы в церкви, иногда на Зеленые святки, а в Иванов день топит купающихся. Каждый год он должен утопить хотя бы одного человека, иначе он не успокоится. Того, кому суждено утонуть, водяной ударяет веточкой. Часто топит молодых и детей. Топит также коров и собак.

Водяной бессилен причинить вред человеку, который имеет при себе чабрец, который дважды в этот день ел хлеб или который ударит водяного лишь один раз¹. Водяного можно поймать в мешок, сшитый стежками «от себя», или зажать его в расщепленной доске.

Водяной мстителен и обидчив. Может украсть ребенка или в отместку людям не пускает воду на луга. Рассердившись на людей, переставших кормить его лепешками, может наслать проливной дождь. Но, если не тревожить его покой, он не причиняет зла. Нередко помогает людям, ходит к ним в гости, нищим дает денег или зерна для посева, бедным продавцам рыбы обеспечивает хороший улов и т.п. Приходит на ярмарку торговать зерном, а его жена — маслом, у мясника меняет рыбу на мясо. Имеет контакты с мельниками и рыбаками, пьяного ночью отводит за деньги домой. Водяной не остается в деревне дольше полуночи. После захода солнца он часто мешает работе мельника, например заstopоривает мельничное колесо. Чтобы избавиться от вредоносных действий водяного, ему бросают в воду буханку хлеба или что-нибудь живое черной масти: кота, собаку, свинью, курицу и т.п. Каждый год молнией во время грозы убивает одного водяного. В этом видят причину того, почему водяные повывелись.

В представлениях о водяных девах (*wodne jungfry*, нем. *Seejungfern*) народные поверья смешиваются с мотивами книжного происхождения. Рассказывали, что, когда в полдень в облике обычных девушек водяные девы поют и танцуют на берегу, это всегда предвещает непогоду. Обычный же их облик — полудева-полурыба. Известна верхнелужицкая быличка о выловленной в пруду где-то за Хойерсвердой водяной деве с когтями на обеих руках (аналогичные былички известны о водяной русалке). Она была огромная, весила три центнера, и голова у нее была, «как пятка». Водяные девы, подобно морским sireнам, плавают в море за кораблями, а люди, чтобы избавиться от них, бросают им в воду кошек и других животных.

¹ Имеется в виду мотив «МП просит ударившего его человека нанести второй удар», который будет для него спасительным, а для человека смертельным (см. подробнее об этом мотиве и его инославянских параллелях в: [3]).

К водяным МП принадлежит и *выдра* (н.-луж. *hudra*), поверье о которой записано в нижнелужицком Зилове/Жилове (ныне входящем в городскую черту Котбуса). Она необыкновенно привлекательна и коварна. Выходя ночью из воды, обольщает и уводит молодого парня, который приблизится к ней, вступает с ним в брак, но потом губит или бросает после первой же супружеской ночи, после чего он становится несчастливым на всю жизнь. Видели также, как она залила водой молодого парня, с которым ехала в лодке.

У лужичан отмечены отголоски поверий о духах погоды — *планетниках*, якобы живущих в тучах. Лужичане-католики при виде тучи не говорят: «Вот черная туча», потому что однажды после этих слов из тучи раздался голос: «Не чернее твоей души». Считается, что погоду можно заговорить. В Нижней Лужице (в сегодняшней польской ее части) однажды кто-то заговорил тучу, и из нее выпал планетник — *čeladnik kowalski* (кузнечный подмастерье). Рассказы о планетнике, выпавшем из тучи, известны у поляков Малопольши.

Вихрь олицетворяет у лужичан специальный МП — *wichor*. Он крутит вихрь в облике черного человечка, большого худого кота или кошки, крутящихся на задних лапах. Увидеть их можно сквозь дырку от выпавшего сучка в гребной доске, через отверстие для оси в ступице колеса, сквозь рукав рубахи. Опасно ступить первым на место, откуда вихрь выходит из земли, опасно плевать в него и бросать в него ножом. У человека, попавшего в вихрь, случается «вихревая болезнь» (паралич), от которой помогает то, что покручено вихрем (сено, солома и т.п.) и «вихревая трава» (германский дрок). Вихрь бросается на человека, одетого в новую рубаху, оставляя на ней след — крестик, который невозможно отстирать. При встрече с вихрем кричали ему бранные слова: «Вихрь, вихрь, свиное говно!», ложились лицом вниз, плевали три раза, бросали что-нибудь в него левой рукой, использовали освященную землю, предметы красного цвета, шумели и т.д. Известна быличка о вихре-оборотне: муж в поле днем, удалившись от жены в кусты, обращается в вихрь, хватая жену за юбку, чтобы сбросить ее со стога сена. Жена обороняется и крепко держится за жердь в стоге сена. Когда муж возвращается к ней в своем обычном облике, она замечает застрявший у него в зубах вырванный из ее юбки клоч материи [4. S. 75] (ср. с аналогичным сюжетом о муже-волколаке).

Со средневековым немецким мифом о дикой охоте связаны у лужичан поверья о диком охотнике: н.-луж. *nócnu hajnik*, *nócnu jagaŕ*, в.-луж. *Dyterbjernat*, *Dyterbienada*, *Dyterbiarnat*, *Dykebiernak*, *Dykebiandat*, *Dykbiernak*, *Dietrich Biernat*, *Dyki Biarnad*, *Ban-Dietrich*, *Pan-Dietrich*, у немецкоязычных верхних лужичан *Pan Dietrich*, *Heidut*. Дикий охотник появляется с сильным ветром, в вихре. Это предвестие войны, мора, неурожая. Нижнелужицкий *nócnu hajnik*, *nócnu jagaŕ* показывается только ночью или только в полночь. Верхнелужицкий *Dyterbjernat* после захода солнца, ночью высоко в небе мчится со стрельбой верхом на коне или в упряжке. У него нет головы, так же как у всех участников его свиты: всадников, коней, псов. У нижних лужичан он может быть невидим, и тогда слышно только ржание коней, лай собак и вой вихря. Дикий охотник происходит от умерших грешников: *Dyterbjernat* смеялся в церкви, насыпал крошки хлеба себе в обувь и ходил, топча дар божий; *Pan Dietrich*, *Heidut* устраивал дикие охоты, охотился в праздники, наносил ущерб крестьянским полям, скоту и самим людям. Дикий охотник появляется на меже или на границах сел. Если кто-то заснет на меже, дикий охотник отбросит его в сторону. При появлении дикого охотника нужно держаться спокойно, не кричать, не окликать, не высмеивать его, а лечь лицом вниз, схватиться за дерево,

прочитать «Отче наш». Тогда он не тронет человека. Но если человек будет дразнить его, он бросает ему кусок падали, от которого невозможно избавиться, подкидывает в дом оленьё бедро, вывешивает в дверях человеческую ногу, давит конскими копытами человеку пальцы на ногах, насылает на него своего большого черного пса, не дает попасть домой.

На северной окраине Нижней Лужицы известен близкий к дикому охотнику персонаж — н о ч н о й и з в о з ч и к (*furman nocny*). В темные ночи он с грохотом мчит по воздуху на своей бричке, причем всегда, как и дикий охотник, ездит строго определенным путем.

Мотив блуждания и признак свечения объединяет разные мифические существа — от б л у ж д а ю щ и х о г н е й до человечка блуда, которые известны у лужичан под следующими названиями: н.-луж. *blud*, *swěšaty blud*, *bludnik*, *bludnišćo*; в.-луж. *bludnik* или *bludžiš* (пограничные районы), *bludnički*, *bludne swěčki*; вост.-луж. (мужаковские говоры) *bludnik*, *bludžišk*. По одним представлениям, блуждающие огни происходят от падших ангелов, по другим — это души некрещеных, незаконнорожденных или убитых детей или вообще души умерших. Блуждающие огоньки видны на могилах некрещеных детей. Нижние лужичане указывали и на другие места пребывания этого МП: блуд (*bludnišćo*) живет в лесах и в горах [2. С. 60], блуждающие огни (*bludnik*) обитают в большой старой, трухлявой вербе. Блуждающие огоньки появляются ночью, в темные ночи перед Рождеством, чаще всего весной или осенью, особенно во время тумана. Имеют свою силу только до полуночи. Блуд охраняет клады и за вознаграждение может показать человеку это место. Чтобы завладеть кладом, нужно бросить на место появления светящихся огоньков немного хлебных крошек, кусок железа, топор, нож или что-либо из одежды. А если просто попытаться схватить блуд, в руке окажется лишь горсть волос или блуд обратится в светящуюся изнутри конскую голову. Увидеть блуда можно, имея при себе сталь. Блуд имеет вид мужичка с фонарем; детей в голубых шапочках и с источником света на груди или светильником в руке; ребенка, зажимающего руками глаза и пышущего огнем изо рта; маленьких мужичков с горящей метлой в руке. Его представляют себе также в виде свечи, искрящихся глаз, скачущего по воздуху фонаря и т.п.

Блуд мстителен и обидчив. Людям, пообещавшим ему подарок и не выполнившим обещания, ругающим и высмеивающим его, он поджигает окно, стог соломы на дворе, бросает их невидимой рукой через ворота в лужу, обжигает пятки пьяным, выманивает человека из дома и заводит в болото, но может и отвести человека домой, если тот пообещает ему вознаграждение. Если нужно вызвать блуда, говорили: «Ну ты, дерьмо свиное, где ты?» — и он тотчас являлся. А чтобы избавиться от него, клали ему несколько монет, хлеб с сыром и т.п. на пороге, на внешнем углу дома или выставляли их наружу через окно. Считалось, что в дом блуд зайти не может. В качестве оберега от него использовали формулы приветствий, например говорили: «Дай бог мне и тебе добрый вечер!». Когда шли по дороге, ступали одной ногой в колею от телеги, тогда у блуда не было власти над человеком. Ложились лицом вниз или выворачивали из земли камень и читали «Отче наш». Или вспоминали то место из Евангелия, которое читалось во время последней воскресной службы. У онемеченных лужичан для избавления от блуда люди бросали на светящиеся огоньки горсть освященной кладбищенской земли, тогда блуд избавлял людей от ночного блуждания и успокаивался, потому что блуд — это блуждающие души умерших [5. С. 167].

С огненной стихией связан еще один МП — огненный человек в поверьях верхних лужичан (нижним лужичанам он неизвестен): в.-луж. *wóhnjowy muž* (редко), *fajerman*, *fajermuž* (из нем. *Feuermann*); у немецкоязычных лужичан *Feuerputz*, *der grosse Leuchter*, *Feuerhusar*. Он выглядит как мужчина, у которого верхняя часть туловища горит огнем, а нижняя — черная, как уголь. Или имеет облик всадника с сильно порубанным лицом, сидящего на коне задом наперед и пылающего огнем. Иногда появляется в виде огненного снопа или шара. Происхождение его связывали с умершими грешниками. Так, *fajerman* — это душа солдата по фамилии *Feuermann*, который во время наполеоновских войн сжег церковь, а потом был убит. *Fajermuž* — душа солдата из России, который во время войны с Наполеоном спрятал в кустах казенные деньги, но был убит и уже не смог исповедаться и покаяться в своем грехе. Огненный человек ходит по земле или невысоко над землей, иногда облетает верхушки деревьев. Появляется летом и осенью или же только в пост, в ночное время, особенно в полночь. Не причиняет зла людям, которые его не трогают. Часто даже специально является людям, чтобы осветить им дорогу и проводить домой. Появляется сразу же, стоит лишь вспомнить о нем, например, сказать: «Файер-муж всегда тут бывает, а сегодня ни на минуту не покажется, чтобы нам посветить». Иногда огненный человек в поверьях лужичан сближается с огненным змеем, который влетает в дома и обитает там за печью. В лужицких представлениях об этом МП видны следы сильного немецкого влияния (нем. *Feuermann*, *Feuerputz*, *Brünnling*, *Glühender*, *Züsler*).

К подземным МП относятся карлики, подобные польским краснолюдкам, словацким луткам (словац. *lútky*), западноевропейским гномам: в.-луж. *palčiki*, реже *lutki* (*ludki*); н.-луж. *lutki*, редко *lužki*, *paljački*, *nócne žědky*. Карлики обитают в горах под землей, в норах, ямах, в земле под кустами, под большим дубом. Они охраняют зарытые в земле клады. Некоторые карлики обитают под домами людей. Живут также подле дороги на кладбище и появляются на месте, где произошло убийство. Это маленькие человечки величиной с маленького ребенка, а иногда с палец. Однажды такой карлик сидел в конском ухе и свистел, отчего конь пахал без пахаря. У карликов черные бороды, большие шляпы на голове, часто они носят красные курточки и красные шапочки. Но иногда они надевают шапку-невидимку, и тогда слышен только их шелест. У карликов есть семьи. Детей они крестят. В купальскую ночь справляют свадьбу, танцуют и играют на ней, а под утро возвращаются в землю; случайно оказавшихся при этом людей приглашают на танец и одаривают подарками, которые приносят счастье в дом. Рассказывали о женщине, имевшей крестника — мальчика-лутка. Согласно одним представлениям, карлики, как и блуждающие огоньки, происходят от низвергнутых с небес ангелов, по другим, карлики — это души предков, язычников, первоначальных обитателей края, которые с принятием христианства переселились в подземные убежища. Они не выносят звона церковных колоколов и даже овечьих колокольчиков и, заслышав их, прячутся под землю.

Карлики сеют вместо жита траву: мышиный, или ложный, ячмень, при жатве срезают только колоски и пекут хлеб (часто с песком и пеплом), а также сбивают себе масло. Днем спят, а по ночам навещают «своих» людей, с которыми дружат, и там готовят себе еду, едят, пьют, веселятся, танцуют на печи, поют, играют на цимбалах. Иногда карлики приходят к людям и в полдень. Речь карликов состоит из утвердительных по смыслу утверждений-отрицаний («дайте нам дежку недежку, мы хотим испечь себе калач некалач») либо только отрицаний («мы не хотим не вашу недежку»). Иногда считалось, что они

не умеют говорить по-лужицки и только показывают, чего они хотят, или же говорят, но плохо, одно слово скажут с начала, а другое с конца, говорят неполно или вставляют непонятные слова (например, «wagi wigi», собаку вместо «psyk» называют «wuścerack» и т.д.). Иногда карлики приходят к людям попросить что-нибудь из еды: «Мы хотим вашей нелепешки, нехлеба»; одалживают у людей лопаты, вилы, совки и т.п., в благодарность за это помогают людям в работе или платят золотом, серебром и драгоценными камнями. За одолженную хлебную утварь и посуду приносят людям пахту или лепешки собственного изготовления, а пахарям пиво в поле. Карлики отличаются добротой и дружелюбием. Они любят музыку и танцы, устраивают в домах людей праздники с трапезой, посещают деревенские забавы в качестве музыкантов. Когда люди спят, они доделывают за них домашнюю работу, помогают крестьянам пахать, а пастухам — пасти овец, любят играть с ягнятами и т.д. Своих умерших карлики сжигают и пепел с костями закапывают в землю. На похоронах плачут, собирая слезы в специальные сосуды — «слезницы», которые потом ставят в могилу возле большой урны с прахом. Изредка они мстят людям за причиненный им вред или насмешки: бьют им посуду, вырывают посаженные растения, вредят скоту; у матери, смеявшейся над маленьким ростом карликов, дочь перестала расти; девку, которая поздно вечером пасла корову на горе, где жили карлики, они отхлестали плетью. Исчезновение карликов объясняли тем, что они попытались принести огромный камень, чтобы разбить церковный колокол, но надорвались и оттого вымерли.

Домовые духи

У лужичан, особенно у нижних, как и у других славян, существуют поверья о домово́й змее. Она живет в каждом доме на чердаке и приносит в дом счастье и здоровье. Ее не кормят, она сама сосет молоко у коровы, а если ее убить, корова будет реветь по ней, как по теленку. В Нижней Лужице верили, что в каждом доме парой, как хозяин и хозяйка, живут две домовые змеи, отождествляемые с душами предков. Их может увидеть лишь тот из хозяев, кому суждено вскоре умереть [6. S. 140]. Нижние лужичане называли одну змею *góspodař*, а другую *góspoza*; первая умирает со смертью хозяина, а вторая — со смертью хозяйки [4. S. 50]. В быличках домовая змея пьет молоко из одной миски с ребенком, когда его оставляют одного дома. В лужицких поверьях с домово́й змеей иногда сближалась королева змей. Так, в быличке из-под Котбуса молоко или кашу из одной миски с ребенком ест большая змея с короной на голове.

По поверью лужичан, дом от несчастий оберегает также лягушка, живущая под порогом дома [7. S. 474]. Лужичане стремились иметь в хлеву живую ласку, считая, что она отвлекает на себя девять разных болезней, а если это не удавалось, вешали в хлеву шкурку убитой ласки. Функцию домашнего покровителя отчасти можно видеть и у ласточки: ее гнездо под крышей обеспечивает дому счастье и благополучие и оберегает дом от молнии и пожара, а вред, причиненный ей, влечет за собой ущерб скоту [7. S. 473].

В качестве домашнего покровителя у лужичан выступает особый МП — божество седлешко: в.-луж. *bože sedleško* (*serleško*, *sadleško*, *stadleško*), *bože selco*; н.-луж. *bóža łosc* (*božałosć*, *bóžałosć*), *boža wosc* (*božô wosc*), *boža włosć*, *boža głosć*, *bóžagłos*, *bóžałos*; мужаков. *božy głos*. По мнению специалистов, верхнелужицкое наименование — деминутив от *sydło*, *sedło* ‘местопребывание, местожительство’. Нижнелужицкое *bóža łosc* восходит к **volstь* ‘сила, власть’, а остальные формы, связанные с божьим владением, голосом и т.д., результат народной

этимологии [8. S. 76]. У верхних лужичан боже седлешко может иметь вид голубого огонька пламени на гаснущих углях, иногда облик ребенка в белой рубашке, реже — женщины или белой наседки. Однако по большей части боже седлешко видеть невозможно, можно только слышать его плач и жалобы. Верили также, что лишь особые, «видящие» люди могут видеть боже седлешко, например дети, которые еще не были на исповеди, дети, родившиеся в воскресенье, в полночь или в последнюю ночь лета. Где показывалось боже седлешко или где было его слышно, там вскоре происходило несчастье — чья-то смерть, эпидемия, наводнение, пожар или убийство. Лужичане считают его добрым духом, который предостерегает о близком несчастье. Он не является причиной несчастья, а только печалится, оплакивает предстоящую беду. Можно спросить его, что случится, и иногда услышать ответ, но он будет неясным, загадочным. Поскольку этот домашний покровитель невидим, люди в Верхней Лужице при снятии с огня горячего молока или выливании горячей воды говорили: «Боже седлешко, смотри, как бы я тебя не ошпарил». А если видели у кого-нибудь волдырь, считали, что его ошпарило боже седлешко. Тогда мазали маслом край печного устья со словами: «Боже седлешко, я тебя мажу; пусть у меня заживет ожог, ты меня ошпарило». Потом снимали накипь из стоящего на огне горшка и мазали ею пострадавшего от ожога. Следили, чтобы брызги от готовящегося супа не попали в огонь и не загасили его. Иначе боже седлешко может ошпарить ребенка. Все это указывает на то, что боже седлешко как домовый дух обитает в печи или очаге. В Нижней Лужице и пограничных районах Верхней Лужицы аналогичный МП — *boža łosc* тоже может иметь облик маленького ребенка с длинными белыми волосами, но чаще представляется в виде маленькой женщины или вообще чего-то маленького, например белого голубка. Еще чаще ее не видят, а слышат только ее плач и жалобы, которые предвещают скорое несчастье. Плачет она вечером или ночью, обычно под окном, а также на месте погребения жертвы преступления, например убийства ребенка. Считалось, что печь, любимое место этого домашнего духа, нельзя топить древесиной бузины, которая, по народным поверьям, считается нечистым деревом.

К домовым духам относят также кобольдов: в.-луж. *kobołtk, kółtk, kobołćik, kubołćik (kubošćik, kubušćik)*, н.-луж. *kobołt, kobod, kobud, koblik, kobołsik*, мужаков. *špilitus*. Лужицкие кобольды похожи на немецких — домовых и горных духов—хранителей подземных богатств. По предположению А. Черни, в прошлом кобольд выступал семейным покровителем, но со временем превратился в домового духа-обогапителя. По своему внешнему виду, росту и отчасти местопребыванию кобольды напоминают карликов и нередко смешиваются с ними. Кобольд выглядит как маленький человечек с длинной бородой. Любит красную одежду. Обитает в доме, особенно за печкой, в хлеву и в других местах крестьянской усадьбы. При этом сообща кобольды живут в горах и в лесах, в ямах и скалах, что сближает их не только с карликами, но и с немецкими кобольдами. Согласно лужицким поверьям, кобольд может иметь облик мокрого цыпленка, каплуна, теленка, ласки, стрижа, козодоя, змеи, серой бабочки, майского жука и т.д. Кобольд помогает возницам в работе, задает корм лошадям, чистит их. Хозяйкам помогает готовить. У девиц, имеющих кобольда, всегда прибрано в доме, вымыта посуда и спорится работа, иногда он помогает им прясть. Все работы он совершает ночью и при этом любит посвистывать. Не терпит во время работы присутствия посторонних, кроме хозяина и хозяйки. Своему хозяину он приносит краденое: сено для коней, жито и т.п. Бывают также особые денежные кобольды, которые приносят хозяину деньги,

и кобольды, которые носят хозяину конский навоз. Те и другие напоминают летающего змея, в которого кобальд часто обращается. За свою службу кобальд требует хорошего питания, любит пшеничную кашу с молоком или пивной суп. Если ему не дадут есть, он шумит по ночам, щиплет спящих, сбрасывает их с постели. Человек, причинивший ему вред, лишается счастья, всего имущества и даже жизни. Со временем кобальд из доброго духа превратился в нечистую силу, поэтому каждый, кто имеет кобальда, скрывает это. Приобретают его магическим способом. Для этого носят под мышкой яйцо от курицы, которая неслась в первый раз, пока из яйца не вылупится демоническое существо, дающее человеку все, что он ни пожелает, или заключают договор с главой кобальдов, который выделяет для службы людям тех или иных кобальдов.

У верхних лужичан известен еще один близкий к кобальду домовый дух — неспех (*njespěch*), воплощение медлительности, неторопливости. Он мешает в работе, особенно во время ткачества, поэтому его изгоняют, прежде чем начать работу. Согласно описанию из Блуно, изгнание производилось таким образом: жена сидит впереди и держит на полотне пряжу. Другие позади нее — отец, дети и т.д. — крутят веретено. Когда сидящие сзади увидят, что вся пряжа уже навита, немедленно убегают во двор или на гумно. Жена гонится за ними, чтобы ударить их полотном. В народе это называлось «выбегать и неспеха выгонять». Таким же образом происходило изгнание неспеха в описании из Шварцкольма: как только пряжа навьется на веретено, человек, державший пряжу на полотне, бьет полотном тех, кто помогал ему навивать, и вообще всех, кто находится в доме. Чем сильнее он их бьет, тем лучше ткется полотно.

Большое сходство с кобальдом имеет летающий змей (в.-луж. *zmij*, н.-луж. *plon*), который нередко и является ипостасью кобальда. Как и кобальд, змей приносит своему хозяину деньги, жито, молоко и т.д., т.е. умножает его богатство, а также помогает хозяйке готовить пищу, а девушке, купившей его, может сосватать мужа. В зависимости от того, что приносит змей своему хозяину, он получает название денежного, житного, молочного или творожного. Змей может иметь облик огненной крылатой змеи. Иногда — даже семиглавого дракона (Шлейфе, [9. S. 49]). Часто является в виде животного, например белого петуха или курицы [7. S. 492], теленка или мокрого цыпленка, но никогда, в отличие от кобальда, не показывается в человеческом облике. Иногда имеет форму огненного шара со светлым хвостом или длинной огненной полосой. Хвост денежного змея красный, житного — голубой. По рассказам, жители нижнелужицкого Бурга видели в воздухе искрящегося змея со светлым хвостом; искры, разлетавшиеся от него, были золотыми монетами. Змей, как кобальды и карлики, стережет клады, сокрытые в горах. В таких местах люди видели огоньки или искры, выскакивавшие из земли. Вещи, приносимые змеем, обычно плохого качества (например, жито годится лишь в корм скоту) и к тому же они краденые. Если кто-то заметит змея, летящего с краденным, и захочет, чтобы он сбросил ему свою ношу, нужно крикнуть ему «стой!», бросить ему вслед железо или показать голый зад. Но при этом, чтобы не подвергнуть себя опасности, нужно находиться под крышей, а не под открытым небом. Змей попадает в дом через печную трубу и таким же путем вылетает из дома. Хозяин прячет змея в бочке на чердаке. Или же змей обитает в доме за печкой. Его кормят молоком, пшенной кашей на молоке, мясом и творогом, причем регулярно, иначе он улетит, разрушит благополучие и счастье и может даже поджечь дом. Человек, лишившийся своего денежного змея, становится нищим. Появляется змей у людей случайно, он сам приходит к дверям дома в виде мокрой курицы или цыпленка, из которого, когда он отряхивался,

сыпалась пшеница. Избавиться от него можно, отнеся его на то место, где он был найден, или прогнав к соседу. Денежный змей приходит к человеку через найденную на дороге монетку. На другой день из нее получится уже две монеты. Каждый день сумма будет удваиваться и когда дойдет до определенного уровня, змей уже не покинет хозяина. Змея можно также купить у того, кто желает от него освободиться, или получить от карликов, стерегущих подземные клады. Избавиться от змея можно, отдав его какому-нибудь своему тезке или дав ему задание, с которым змей не сможет справиться. Таким образом, летающий змей имеет целый ряд общих черт с кобальдом (одинаковый корм, местопребывание за печкой, сходные функции, частичная общность обликов и некоторые магические способы их получения) и с домовою змеей (змеиная природа и название *zmij*).

С домашним пространством отчасти связана лужицкая злая женщина (*zła żona*). Это безобразная маленькая старушонка, худая, костлявая, горбатая, седая, с клюкой, у нее всегда мокрые, слезящиеся глаза. Как только злая женщина приходит в деревню, она влезает во все углы, в погреб, гумно, хлев, огород, может поселиться на скотном дворе, откуда невозможно бывает ее изгнать. Если она посмотрит на ребенка до года, он заболевает и может даже умереть. Она насылает порчу на садовые деревья. Может сглазить полотно, которое сгниет или его погрызут мыши. Везде, где селится злая женщина, коровы и козы не дают молока или доятся кровью, масло не взбивается, сыр портится, молоко пригорает, у овец появляется короста, собаки паршивеют, зерно поедают насекомые. Она может даже убить своим взглядом. Если людям удавалось изгнать ее из деревни, она исчезала с пронзительным смехом и насылала на них болезнь. Из соответствий злой женщине можно назвать белорусских и украинских злыдней. С другой стороны, она близка демонам болезней.

Сходство со злой женщиной имеет также марава, мырлява или мырлята (*marawa, myrlawa или myrlata*). У нее тоже злой нрав. Она уродлива и отвратительна, всегда грязная. Показывалась редко, никто не знал, откуда она приходила и как жила. В Мюльрозе на севере Верхней Лужицы женщине, которая долго возится с работой, говорили: «Ты старая марава» [9. S. 67].

Персонафикация болезни и смерти

Моровое поветрие, мор, эпидемию у лужичан олицетворяет мор (в.-луж. *mór*, н.-луж. *mrětna*). У верхних лужичан и у восточных, в районе Мускау/Мужакова, мор имеет облик женщины или белой туманной фигуры. По верхне-лужицким представлениям, мор появляется из-за реки со стороны горы в виде плотного белого тумана, который принимает облик огромной женщины. Женщина-мор вскакивает на спину встречному крестьянину и просит отнести его в село. Крестьянин относит ее к той горе, откуда она появилась, почувствовав, что там его тяжелая ноша стала намного легче. Гора раскрылась, мор скрылся в ней, ушел в землю и больше никогда не появлялся, а гора получила название «смертельной». Однажды женщина-мор попросилась сесть на телегу к крестьянину, ехавшему с мельницы домой. Он подвез ее в деревню, после чего там случился падеж скота. По рассказам восточных лужичан, мор в виде тумана или туманного облачка появляется со стороны реки Нейсе и ближайшей горы. Белое туманное облачко приобретает очертание человеческой фигуры. Однажды крестьянин носил на своих плечах мор в таком облике всю ночь до рассвета. В другой раз человек отнес мор к берегу Нейсе, и там мор в виде белого облачка тумана исчез в горе, а это место над рекой близ Мускау с тех пор называется «злым берегом». В районе Баутцена верили, что мор

может прилететь в виде огромного шара. Однажды такой «моровой шар» прилетел в болото. В яму, куда он упал, бросили каменный крест, который придавил этот шар, — так деревня навсегда избавилась от эпидемии, а каменный крест называли «крестом заразы». Мор морит людей и насылает болезни на скот с ветром. Поэтому во избежание падежа скота, как только поднимется сильный ветер, надо заткнуть всей скотине уши, влезть на крышу с лопатой в руке и держать ее поднятой вверх, пока дует ветер. Мор может появляться в деревне в виде белой гусыни или в виде большого быка, который ревет на всю деревню. Чтобы уберечь скот от падежа, хозяева гремят цепями, чтобы скотина не слышала его рева, или стучат цепью о бочку, чтобы скот не слышал звуков трубы, в которую трубят женщина-мор.

С м е р т ь (в.-луж. *smjerc*, *smjertnica*, н.-луж. *smjers*) обычно невидима для людей. Способностью ее видеть обладают лишь конь и собака: кони при виде ее полошятся, а собаки воют и рычат. Смерть может иметь антропоморфный облик: она белая или в белом, изредка в сером одеянии, с бледным лицом, имеет при себе косу или изображается как скелет с косой. В редких случаях у верхних лужичан смерть выступает в виде мужчины с косой. Косой смерть отсекает голову человеку. Несколько иной образ имеет смерть в сказках: у нее невысокий рост, большие зубы и большие глаза, благодаря которым она помогает девушке спрясть за ночь полный воз кудели и целый воз тонкой пряжи, а также толстые пальцы, которыми она начесала девушке целый воз пачесов. По представлениям немецкоязычных верхних лужичан, смерть может иметь облик белых животных — собаки, кошки, рыбы, птицы, а в процессии дикого охотника она мчится верхом на сове. По поверьям нижних лужичан, смерть появляется в деревне верхом на коне. Место ее постоянного пребывания — ад, откуда она приходит в дом к умирающим. Смерть и ангел-хранитель борются между собой у постели больного, и от того, кто победит, зависит жизнь или смерть человека. В сказке человек умирает, когда смерть встает у него в головах. Известен сказочный сюжет о приглашении смерти кумой на крестины. Смерть как сказочный персонаж обитает в большом жилище со множеством свечек — людских жизней. Или живет со своим мужем в избушке, ворота которой подперты человеческой ногой, а дверь — человеческой рукой. Муж ее имеет вид конской ноги, которая сбивает масло, а дочери ее — мыши. Смерти прислуживают четыре собаки с косами и четыре кошки с граблями или же только мыши — большие с косами, а маленькие с граблями.

Черт

В народных рассказах и сказках лужичан ч е р т называется: в.-луж. *čert*, его жена *čertowka*, н.-луж. *cart*. Помимо этого, особенно в языковых выражениях, известны следующие его наименования: в.-луж. *djaboł*, н.-луж. *diboł*, *dejbeł* (под влиянием нем. *Teufel*), *dejboł*, сокращенно в.-луж. и н.-луж. *djas*. Часто используются также эвфемизмы: в.-луж. *zły duch* или просто *zły*, *čornu*, н.-луж. *carnu*, в.-луж. *čornu Jurij*, н.-луж. *Hans Mjerten*, в.-луж. *dunder*, *dundyr* (из нем. *Donner* 'гром'). Внешний вид черта мало чем отличается от известного у других славян и прочих европейских народов: длинный кривой нос, длинные, как у осла, уши, рога, хвост, конские ноги (одна или обе), толстые, как нога у человека, пальцы со звериными когтями на них. Но в таком образе он редко показывается, обычно является в человеческом облике: как нарядно одетый чужеземец или путешественник, как охотник или всадник в зеленом или сером одеянии. Может быть кузнецом, мельником, игроком. Нередко носит одежду красного цвета. Появляется также в женском облике. Часто бывает хромым.

Черт принимает облик различных животных: зайца, особенно хромого, трехногого [9. S. 151, 304; 7. S. 303—304], черного пса, черной кошки, змеи или вороны. Может превратиться в щуку. Исчезая, оставляет за собой зловоние. Бывает также невидимым, а увидеть его можно лишь сквозь отверстие от выпавшего сучка в гробовой доске, которую выкопали из могилы. Местом обитания черта является ад, пекло. Любимые его места на земле — горы, скалы, глухие места в лесах и в полях, пруды, речки, заброшенные дома, особенно мельницы, разрушенные церкви и т.д. Происхождение чертей связывают в народе с падшими ангелами, свергнутыми с небес. Это событие приурочивают к дню 1 апреля, когда родился Иуда, к 1 августа или к дню св. Михаила, после которого люди не занимаются севом. Известны лужицкие дуалистические легенды о сотворении мира Богом и чертом. Бог создал обычных людей, а черт — горбатых, потому что люди, слепленные чертом из глины, убежали от него, а он бросал им вслед глину, которая попадала им в спину. Из животных черт создал обезьяну и жабу. Он хотел создать птицу — ласточку или жаворонка, но она не хотела летать. Тогда черт сказал ей: «Лети же ты, жаба!». Она шлепнулась на землю, и вместо птицы возникла жаба. Черт также пахал волами, участвуя в прокладке русла рек, например реки Шпрее. Жизнь черта в преисподней подобна человеческой: у него есть мать, жена и дети; черти пьют и едят, как люди.

Черт заменил собой разнообразных языческих демонов: он летает в вихре, лепит из глины ребенка, которого потом подкладывает на место человеческого, и даже выступает в роли водяного, часто смешивается с кобальдом и летающим змеем. Власть черта над человеком проявляется в полдень и ночью до первого петушиного пения. Черт любит черный цвет: пашет черными волами; приходит и дает денег тому, кто с черным котом в мешке постучится в полночь в церковные двери. Многие особенности черта объясняются христианскими представлениями: он враг Бога, мешает строительству церквей, пытается их разрушить огромным камнем, не терпит колокольного звона. Желаящие получить помощь черта, должны были ему присягнуть, что больше никогда не будут молиться и ходить в церковь. Черт соблазняет человека разными способами, вводит его во грех и нередко доводит до самоубийства. Стремясь завладеть душой человека, он забирает себе души клятвopреступников и тех, кто клянется его именем, колдунов, ведьм и всех, кто подписался ему собственной кровью. Каждого желающего обеспечить себе услуги черта и дать такую расписку, ждут страшные муки в аду. Оберегом от черта служит подкова над дверью или на пороге, липовое лыко, которым можно связать черта, и пахучий сельдерей. В сказках черт часто фигурирует как комический персонаж, которого легко провести и одолеть.

Демоны-покойники

Поверья и рассказы о в а м п и р е, который встает из гроба и сосет у людей кровь, довольно скудны и в основном встречаются у нижних лужичан из районов Котбуса и Дребкау. Согласно верхнелужицкому поверью, если у покойника красное лицо, он потянет за собой на тот свет всех родственников одного за другим. Даже краешком одежды или ленточкой нельзя коснуться рта умершего, иначе он будет кусать их и вся семья вымрет. По этой же причине нижние лужичане закалывали иглами концы одежды и платков, чтобы не коснуться ими рта покойника. Нижние лужичане близ Дребкау считали, что нельзя хоронить умершего в старой рубашке, иначе его душа не будет иметь упокоения. Это напоминает польское поверье о том, что человек, погребенный в старой рубашке, становится упырем, вампиром. Ряд нижнелужицких поверий и рассказов

о вампире записан Э. Феккенштедтом и опубликован в его сборнике. Согласно одному из таких рассказов, возле Кикебуша (входящего сейчас в городскую черту Котбуса) нашли убитым одного крестьянина и похоронили его. Вскоре распространился слух, что убитый ходит по ночам, стучится в двери, задувает свет в домах и высасывает кровь у встречающих. Чтобы избавиться от него, люди раскопали его могилу, забили ему в голову освященный гвоздь и кол в сердце, но это не помогло — убитый являлся каждую ночь. Тогда погребенные останки выкопали еще раз, сожгли их и развеяли пепел по ветру. Лишь после этого жители деревни обрели покой [7. S. 354–355]. По другому рассказу, крестьянин из Ауруса (пригорода Дребкау) попал под экипаж и сломал себе шею. Ночью после его погребения он вышел из могилы, вернулся к своему сыну и «вытянул» из него кровь, отчего тот вскоре умер [7. S. 354]. Жители Ауруса представляли вампиров в виде кошек, лягушек, жаб, мух, пауков или летучих мышей. У них также существовало поверье о вампирах «голах» (нем. *Golen*), которые в облике ласок высасывают у людей кровь, а также разрывают по ночам свежие могилы и пожирают тела покойников [7. S. 354].

Полудемоны

К персонажам, сочетающим в себе черты реального человека и демона, относятся прежде всего *ведьма* и *колдун*. Названия ведьмы и колдуна в Нижней Лужице и в восточном, мужаковском, диалекте — *chódota*, *chydota* и *chódot*, *chódotnik*. Ходотой нижние лужичане называют также мору, или змору (см. ниже), душащую спящих, которую часто смешивают с ведьмой. Верхне-лужицкие названия ведьмы — *chodojta*, *chodojca*, *chodolta*, а колдуна — *chodot* или *chodotnik*, и лишь в южной части Верхней Лужицы представлены другие их названия: *kuzłarniča* (*kuzłarnča*), *kozłarnica*, *kuzłarka* и *kuzłar*, *kuzłarnik*. На крайнем юго-востоке Верхней Лужицы (между Баутценом, Лёбау/Любием и Вайсенбергом/Воспорком) проходит граница между двумя названиями ведьмы: *chodojta* — это только мора (змора), а ведьма называется *kuzłerniča*. Ведьмы описываются как старые безобразные женщины с красными или же блестящими, огненными глазами, наводящими страх на людей и скот. Основное занятие ведьмы — отбирание молока у чужих коров, после которого они доятся кровью или сывороткой. Ведьма делает это или сама, или ее душа в человеческом облике, в то время как ее тело лежит дома и спит. Согласно другому распространенному поверью, у ведьм имеется красный заяц, которого они ночью посылают в чужие коровники доить коров. Чтобы «перетянуть» удои, ведьмы в Вальпургиеву ночь (ночь на 1 мая) до восхода солнца стараются украсть из чужих коровников пучок соломы, кусок навоза, щепку с порога коровника. Таким же символическим средством является кормление своих коров украденным в этот день чужим сеном. В Вальпургиеву ночь ведьмы косят или рвут траву на девяти чужих межах, при этом считают межи, начиная с девятой, а дойдя до первой, называют ее «никакой». Дома мелко режут траву, варят и дают своим коровам. В Нижней Лужице верили, что в эту ночь ведьмы используют при сборе чужой травы конскую постромку, собирая ею росу с травы и получая таким образом доступ к молоку чужих коров. По поверью, из такой постромки ведьмы потом могут выдаивать их молоко. Ведьмы не только отбирают у коров молоко, но и делают так, чтобы другим хозяйкам не удавалось сбить масло, а у них самих его было в достатке. Они также насылают порчу на чужую скотину, подбрасывая в коровник горшок с костями, перевязанными женскими волосами, запывая там скорлупу, гусиные ноги, волосы, куски шкуры и т.д. Душа ведьмы может выходить из тела в виде мыши или змеи. Ведьма может обратиться в серую бабочку (ночных бабочек так и называют: *chodojty*), черную кошку, старого

хромого или трехногого зайца, лягушку, гуся, а также в сороку, козу, сову, ласку, летучую мышшь, собаку, косяку, насекомое подёнку, куропатку, листок или вязанку соломы. В облике кошки, жабы, гусыни ведьма может проникать в хлев. Один хозяин, заметив во время дойки кошку, ранил вилами ей горло, а на следующий день у соседки оказалась повреждена шея. Другой хозяин сломал крыло гусыне, вертевшейся возле его скотного двора, а утром услышал, как чьи-то дети плакали: «Наша мама лежит со сломанной рукой».

Колдуны, в отличие от ведьм, принимают облик осла. одного такого осла хозяин проколол вилами, и тот закричал: «Мартин, Мартин! Это же я!» У лужичан сохранялись отголоски поверий о колдунах и ведьмах, способных разгонять тучи и вызывать засуху. Рассказывали, как однажды во время непрекращающихся дождей старая баба, повернувшись голым задом к надвигающейся дождевой туче, кричала: «Упади дождем в мою задницу, но не на мое полотно!». Ведьмы и колдуны особенно опасны в Вальпургиеву ночь и в полдень 1 мая, в день св. Люции (13.XII) и в канун годовых праздников: в Рождественский сочельник, в пасхальную ночь и в ночь на Зеленые святки, а также накануне Иванова дня (24.VI). В Вальпургиеву ночь, намазавшись лягушечьим салом, ведьмы на метлах, кочергах, ухватах, на черенках кос, на черных козлах (чертях), на сороках и верхом друг на друге слетаются на свое собрание. Вечером в последний день апреля люди сжигали на полях и лугах старые метлы, чтобы ведьмы не могли воспользоваться ими для полета. Место, куда слетаются ведьмы, это чаще всего гора, некий призрачный замок, старые грушевые деревья или перепутья. Там они устраивают пиршество из жаб, танцуют, поклоняются вместо Бога некоему горшку на горе, новые ведьмы подписывают кровью договор с чертом. Оберегами от ведьм и колдунов служили метла, топор и другие металлические предметы, которые клали на порог; пахучий сельдерей, который давали съесть коровам; папоротник, который в Нижней Лужице в Иванов день затыкали в воротах; песок, пепел, просо или мак, которым посыпали порог. Березовые ветки, которых ведьмы особенно боятся, затыкали в воротах усадьбы, в двери и окна, втыкали в навозную кучу, хранили несколько веток в коровнике. Умирают ведьмы мучительно и выпускают дух, только когда их вынесут на навоз. Перед смертью ведьм поднимается сильный вихрь и показывается черный пес, не отходящий от ведьмы, пока та не умрет.

С представлениями о ведьме у лужичан тесно связаны поверья о море, или з м о р е, т.е. о людях, у которых душа во время сна покидает тело и ходит по ночам «морить», мучить, душить спящих. Нижнелужицкое название моря — *mórawa* (*myrawa*), *morawa*, *murawa*, в передаче И. Срезневского также *murowa* [2. С. 58]; в северных немецкоязычных районах Нижней Лужицы (окрестности Губена и др.) — *Murraue* или *Mürawa*. У остальной части нижних лужичан мору часто объединяли с ведьмой и называли, как и ведьму, ходотой (*chódota*). По предположению А. Черни, изначально у нижних лужичан для ведьмы существовало особое название, но оно было утрачено, и для обеих МП осталось общее название *chódota*, которое распространилось также в пограничных районах (между Нижней и Верхней Лужицей) и в соседних районах Верхней Лужицы (название моря, как и ведьмы, в восточном, мужаковском, диалекте — *chódota*, в верхнелужицком — *chodojta*, *chodota*). Так или иначе лужицкая (главным образом, нижнелужицкая) ходота — это ведьма, функции которой иногда дополняются специальной функцией моравы — душить спящих людей [10. С. 548]. У верхних лужичан существовало еще название *zmór* в значениях 'мрачный, угрюмый, недружелюбный человек' и 'ночной пролаза', которое встречается в выражении «смотреть, как змор», т.е. хмуро, мрачно, грозно,

и связано, возможно, с представлением, известным также соседним чехам, что мора имеет сросшиеся брови [5. S. 58; 11. S. 66]. А. Черни связывал *zmór* с архаической, мужской разновидностью моры (зморы) [1. S. 409–410].

В представлениях лужичан моры обычно девушки и лишь в очень редких случаях — мужчины. В Баруте/Барте северо-восточнее Баутцена глаза моры сравнивают с рыбьими глазами выюна. И. Срезневский, описывая верхнелужицкую ходоту (ведьму-мору), характеризует ее глаза как вышедшие из орбит, быстро вращающиеся и страшно всматривающиеся в каждого [2. С. 58]. В некоторых лужицких источниках говорится, что лоб у моры, как грубое полотно, а язык длинный и шершавый. Морой становится грешник, который перед смертью не исповедался в своем преступлении. После смерти он должен как мора ходить к тем, кто знал о его грехе. Часто морой оказывается соседка, о которой говорят, что она ведьма. Мора чаще всего приходит к молодым людям. Иногда мучит всех членов семьи. Любит посещать рожениц и людей, спящих на спине, душит тех, кто сильно тоскует по кому-то или думает о ком-то, кому причинил зло. Может появляться в хлеву в виде кошки и мучить скот. Мора приходит к спящим в полночь, ложится на человека и давит так, что ему становится трудно дышать. Потом сдавливает ему горло или прижимает язык к горлу, так что он не может ни двинуться, ни крикнуть. Или просовывает в рот человеку свой длинный шершавый язык или косматый хвост. Проникает она к спящим через дверь, через окно или сквозь замочную скважину. Является в облике женщины, иногда в виде неясной тени, может обратиться в мышь, в кошку или в пеструю бабочку-ведьму (*chodojta*), а также иметь вид соломинки, пырея, яблока, печеной груши или другого печеного плода. В качестве оберега от моры клали под подушку метлу, ставили на пороге обувь носками к выходу. Чтобы лечь в постель, шли, пятясь к ней задом, а в постели скрещивали ноги. Старались дать явившейся море какое-нибудь задание, например вычерпать наперстком навозную жижу, после выполнения которого она больше не приходит. Можно, наконец, поймать мору и даже увидеть и опознать ее в ее настоящем облике, если спрятать в кувшин или в горшок то, что найдешь на себе, когда мора тебя мучит, например перышко, кость, мышь и т.д. Посуду, в которой спрячешь найденную вещь, нужно прикрыть своей рубашой, а при свете дня выпустить оттуда пойманную мору, тогда она больше не появится. Если этого не сделать в течение суток, она умрет или придет кто-то, кто попросит выпустить ее из горшка и спасти от смерти. Один молодой крестьянин, желая поймать мору, схватил соломинку и прибил ее на стену, а утром там висела мертвой его возлюбленная.

К людям, наделенным демоническими свойствами, относятся оборотни, способные на время менять свой облик, превращаясь в другое существо. У нижних лужичан и у верхних лужичан из района Хойерсверды сохранились редкие поверья и рассказы о волке-оборотне — о л к о л а к е (н.-луж., в.-луж. *wjelkoraz*). Первая запись такого рассказа сделана в нижнелужицком Вербене/Вербно на юго-востоке земли Бранденбург: У одного хозяина в Вербно было двое работников. Один из них был волколаком. Второй об этом не знал. Однажды весной они оба работали в поле. Как только наступил полдень, один из них захотел идти домой, но другой уговаривал его остаться. Они еще немножко поработали, потом один перестал копать и пошел за межу, где пасся жеребенок. Второй осмотрелся и увидел, что его товарищ стал волком, растерзал жеребенка и съел. Ужас охватил его, он понял, что его товарищ волколак. Как только пробил час дня, тот как ни в чем не бывало вернулся. Его товарищ не сказал ни слова, но решил больше никогда не оставаться с этим волколаком в полдень.

Второй рассказ — из Карена/Кореня (ныне в городской черте Котбуса): Парень с девушкой в полдень, в 12 часов, сгребали мох в лесу. Парень сказал девушке, что если к ней придет волк, она должна будет от него защищаться. Парень отошел, а потом пришел волк. Он напал на девушку, но она защищалась граблями и так била волка по морде, что он убежал. После этого парень вернулся, и весь рот у него был рассечен.

Третий рассказ — из Шварцкольма/Чорного Холмца (ныне в составе г. Хойерсверды). Однажды муж с женой пошли разбрасывать навоз. Как только пробило полдень, муж говорит: «Разбрасывай ты, а я отойду недалеко», — и пошел в лесок. И тут из лесу явился дикий зверь и начал хватать ее за платье и раздирать его, а она защищалась граблями. Через час зверь убежал. Вернулся муж, и жена увидела у него в зубах красную тесемку от своей красной юбки. Она поняла, что зверь и был ее муж. Рассказы о волке-оборотне в других местах Нижней (и тем более Верхней) Лужицы не сохранились. В Бюлове (ныне район г. Шпремберга) считали, что *wjelkoraz* — это получеловек-полуволок (верхняя часть волчья, а нижняя человеческая), в Шмогрове — шенок от волка и суки. В нижнелужицком Мюшене записано поверье, что в давние времена там были дикие звери *wjelkorazu* или *wilkorazu*, которые приходили под окна и свистели, приложив к пасти палец передней лапы, как это делает человек [12. S. 32; 4. S. 75]. Кроме волколака, у нижних лужичан Кольквица известно представление о людях, способных обращаться в медведя [7. S. 284]. См. также выше рассказ о вихре-оборотне.

3. Заключение

Лужицкая мифологическая традиция в сравнении с другими западнославянскими отличается своей развитостью, что можно объяснить более поздней христианизацией лужичан. Ее периферийное положение в славянском мире способствовало сохранению в ней ряда архаических особенностей, к которым в сфере народной демонологии можно отнести, например, образы домового змея и летающего змея, волка-оборотня; способ отгона дождевой тучи голым задом; представление о вампире как о душе, вселяющейся в кошек, жаб, насекомых; дуалистические легенды о сотворении мира богом и чертом. Это подтверждается и некоторыми географически удаленными параллелями, в частности лужицко-севернорусскими или лужицко-полесскими: образ полудницы; определение по цвету летающего змея того, что он несет хозяину; использование ведьмами элементов конской упряжи для собирания росы и выдаивания из них молока от чужих коров. Особенно много сходных демонологических представлений у лужичан с другими западными славянами. К ним можно отнести карликов, диких людей, демона-обогапителя в виде мокрого цыпленка, оформление представлений о блуждающих огоньках как душах умерших в качестве особого МП и др. Общие черты лужицкие лесные женские МП (*dźiwja žona*, *dźiwica*) имеют с аналогичными персонажами у других западных славян (чеш. *divá ženka*, морав. *divoženka*, *divižena*, словац. *divá žienka*, пол. *dziwożona*), а также со словенскими вилами (*divja žena*, *divje dekle*, *divja devojka*) и болгарскими самодивами. Под немецким влиянием в мифологических представлениях лужичан появились кобольды, дикий охотник, спящие рыцари, огненный человек, различные МП без головы (блуд, дикий охотник, серповница, карлики) и т.д.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Černý A. Istoty mityczne Serbów Łużyckich / Z łużyckiego tłumaczył B. Grabowski. Warszawa, 1901.
2. Серболужицкие народные поверья. (Из бумаг И.И. Срезневского) // Живая старина. 1892. Вып. 2.
3. Виноградова Л.Н., Толстая С.М. Полесско-карпатские параллели в области мифологических представлений и фольклорных мотивов // Славяноведение. 2018. № 6.
4. Sieber F. Wendische Sagen. Jena, 1925.
5. Gräve H.G. Volkssagen und volkstümliche Denkmale der Lausitz. Bautzen, 1839.
6. Müller E. Das Wendentum in der Niederlausitz. Cottbus, 1894. 2. Aufl.: Cottbus, 1921.
7. Veckenstedt E. Wendische Sagen, Märchen und abergläubische Gebräuche. Graz, 1880.
8. Dźwigoł R. Polska ludowa terminologia mitologiczna – demony domowe // Annales Academiae Paedagogicae Cracoviensis. 2002. Folia 6: Studia Linguistica 1.
9. Schulenburg W. von. Wendisches Volksthum in Sage, Brauch und Sitte. Berlin, 1882.
10. Толстая С.М. Н.-луж. *chódota*: имя и персонаж // Толстая С.М. Мир человека в зеркале языка. Очерки по славянскому языкознанию и этнолингвистике. М., 2019.
11. Haupt K. Sagenbuch der Lausitz. Leipzig, 1862–1863. Т. 1, 2. Т. 1: Das Geisterreich.
12. Schulenburg W. von. Wendische Volkssagen und Gebräuche aus dem Spreewald. Leipzig, 1880.